

Владимир Кожедеев

*Дело императорского
двойника*



Владимир Кожедеев
Дело императорского двойника
Серия «Дело императорского
двойника. Исторические детективы.
Классические детектив», книга 1

*<https://litres.ru/73746582>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Петербург, декабрь 1879 года. Империя задыхается в терроре. Народовольцы охотятся на царя, полиция бессильна, а на улицах столицы страшно появляться после заката.

Коллежский ассессор Иван Воронов — лучший сыщик сыскной полиции, человек, потерявший всё и посвятивший жизнь погоне за правдой. Его оружие — не револьвер (хотя, и он всегда при нем), а терпение, въедливость и умение видеть там, где другие слепы.

В морозную декабрьскую ночь у Исаакиевского собора находят тело человека, до ужаса похожего на императора. В кармане убитого — записка: «Охота началась. Следующий — настоящий». Воронов берет след, который приводит его в ресторан «Лейнер», где он встречает таинственную художницу Елизавету Шаховскую — женщину, которая видит больше, чем говорит.

Так начинается опасная игра, в которой двойники множатся как в кривом зеркале, а истина оказывается страшнее любого вымысла. Воронову предстоит не только разоблачить заговор, грозящий гибелью императорскому поезду, но и понять...

Содержание

Глава 1. Смерть на Исаакиевской.	5
Глава 2. Корни и крона.	11
Глава 3. Ужин на Невском.	21
Глава 4. Утренняя газета.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Кожедеев

Дело императорского двойника

Глава 1. Смерть на Исаакиевской.

Декабрь 1879 года встречал Петербург так, словно сам Господь решил напомнить грешным о смерти. Сырой, пронизывающий ветер с Невы задувал в промерзшие щели экипажей, стелил по торцам мостовых колючую поземку и гасил тусклые огни керосиновых фонарей. Город жил в лихорадочном ожидании. Третьего апреля казнили Соловьева, покушавшегося на Государя, и с тех пор воздух столицы пропитался страхом – тем особым, чисто петербургским страхом, который не имеет ни запаха, ни цвета, но заставляет оглядываться на каждом углу.

На Малой Морской, в доме купца Торлецкого, где размещалась сыскная полиция, было душно. Натопленные изразцовые печи гудели, а на закопченных стенах в конторе пристава дрожали тени от масляной лампы.

Коллежский ассессор Иван Петрович Воронов, титулярный советник по званию, но сыщик по призванию, сидел над ворохом бумаг. Ему было тридцать семь, но из-за глубоких

складок вокруг рта и привычки хмуриться, даже когда он пил чай, казалось – под пятьдесят. Сюртук его, хоть и чистый, был застиран на локтях, а сапоги требовали смены каблуков. Воронов не гнался за внешним лоском, считая, что настоящая работа делается в грязных подворотнях и трактирах, а не в приемных графа Лорис-Меликова.

В кабинет, громыхая саблей и отдуваясь, влетел околоточный надзиратель Масленников – человек простой, исполнительный, но совершенно лишенный воображения, что в их деле Воронов считал хуже косноязычия.

– Ваше благородие, – выпалил Масленников, стряхивая снег с усов. – На Исаакиевской беда. Пристав велел вас срочно кликать. Там такое... тьфу.

– Что именно? – Воронов отложил перо, вымазанное в фиолетовых чернилах. – Опять «народовольцы» прокламации раскидали? Или кого из генералов в экипаже обухом огрели?

– Хуже-с, – Масленников понизил голос до траурного шепота. – Там, у самого сквера, в карете нашли господина. Известного. Только вот... он уже того. И самое-то главное, ваше благородие, – лицо у него точь-в-точь как у... не могу вымолвить.

Воронов медленно поднялся, накинул шинель на рыжих бобрах и сунул в карман револьвер системы Смита-Вессона, который носил не столько для защиты, сколько по привычке.

– В пути расскажешь.

Исаакиевский собор, громадой нависающий над площа-

дью, казался сейчас черным призраком империи. Золотой купол потускнел под тяжестью туч. Несмотря на поздний час, у сквера толпились городовые, оттесняя зевак, которых, впрочем, было немного: в такую погоду и в такое время порядочные люди сидят по домам, а непорядочные боятся патрулей.

Карета стояла в тени, ближе к Мойке. Это был дорогой, хоть и без гербов, ландо, запряженный парой гнедых. Кони, покрытые испариной, заиндевели, и пар валил от них в свете факелов, которые по приказу Масленникова зажгли жандармы.

Воронов подошел. Дверца была распахнута. Внутри, откинувшись на бархатные подушки, сидел мужчина. Одного взгляда хватило, чтобы понять: смерть наступила не от болезни. Шея убитого была неестественно вывернута, темно-синий галстук вдавлен в горло, а на лице застыла гримаса удивления и... узнавания. Он смотрел на того, кого никак не ожидал здесь увидеть.

Но не это заставило Воронова, человека, выдавшего виды, побледнеть. Масленников был прав: лицо убитого было точным, хоть и искаженным агонией, отражением лица самого Императора. Те же черты, та же борода, тот же разрез глаз.

– Господи Иисусе, – перекрестился стоящий рядом городской. – Это же... двойник?

Воронов взял фонарь у ближайшего жандарма и осветил внутрь. Он прищурился, разглядывая детали. Бархатный

воротник шинели высокого покроя, перстень с печаткой на безымянном пальце. Двойник. Бедный, безвестный двойник.

— Масленников, — голос Воронова стал вкрадчивым, почти ласковым — признак того, что он взял след. — Кто хозяин кареты? Кто этот человек?

— Документов при нем не обнаружено-с. Карманы чисты, словно вылизано. «Только вот», — Масленников протянул дрожащей рукой небольшой клочок бумаги, который держал в носовом платке. — Это валялось на полу у ног. Бумажка странная.

Воронов развернул листок. Это была не прокламация и не письмо. На плотной, дорогой гербовой бумаге каллиграфическим почерком, ломающим строки, было выведено всего четыре слова, но от них у сыщика похолодело под ложечкой:

«Охота началась. Следующий — настоящий».

Воронов сунул записку во внутренний карман и поднял глаза на купол собора, блеснувший в разрыве туч холодным, мертвенным светом.

— Кто знал, что он здесь будет? «Кто видел лицо этого несчастного?» — спросил он, обращаясь скорее к темноте, чем к Масленникову.

— Никто-с. Стояла карета с полчаса, не больше. Извозчики видели, как из подъезда вон того дома, — Масленников махнул рукой в сторону Мариинского дворца, — выбежал господин, сел и велел ехать к Зимнему. Только кучер, царствие ему небесное, тоже при смерти.

– Как так? – Воронов резко обернулся.

– Так же-с. Сидит на козлах, вожжи в руках держит, а сам уже окоченел. Прямо на ходу коней остановил и замер. И на лице у него... ваше благородие, – Масленников сглотнул, – точно такое же выражение, как у барина внутри. Будто увидел черта.

Воронов выпрямился. Он вдруг остро ощутил всю тяжесть декабрьской ночи, всю беспомощность империи, которая никак не может поймать неуловимых убийц, но сталкивается с чем-то куда более страшным и изощренным.

– Масленников, – сказал он, чеканя слова. – Немедленно закройте все двери в доме, откуда вышел покойный. Опрашивать дворников и жильцов – тихо, без шума. Если это то, что я думаю, то мы имеем дело не с грабителями и не с революционерами-недоучками. Это – предупреждение. Игра с тем, кого охраняет все государство.

Он еще раз взглянул на мертвого двойника, на его застывшие глаза, в которых замерло предсмертное изумление.

– Только вот зачем? – прошептал Воронов сам себе. – Зачем убивать тень, если цель – сам оригинал?

Сзади, со стороны Адмиралтейства, послышался тяжелый цокот копыт. Это ехали жандармские ротмистры из Третьего отделения. Воронов знал, что сейчас начнется обычная игра в перетягивание одеяла, где его, скромного сыщика градоначальства, скорее всего, отодвинут в сторону. Но, спрятав записку в карман, он твердо решил: это дело он не отдаст.

Потому что эта записка была адресована не только императору. Она была адресована ему, Воронову, и всем, кто взялся бы расследовать это зверство. *«Охота началась»*.

Свистел ветер, перемешивая снег с пылью Исаакиевской площади, а в темном окне одного из домов напротив, как показалось сыщику, на мгновение мелькнул свет – чей-то внимательный взгляд следил за местом преступления, убеждаясь, что спектакль сыгран по нотам.

Вот подробная история жизни коллежского асессора Ивана Петровича Воронова, вплетенная в ткань повествования. Я постарался создать полный, психологически достоверный портрет сыщика, его окружения и пути к тому моменту, где мы его оставили у кареты с убитым двойником.

Глава 2. Корни и крона.

Иван Петрович Воронов родился в 1842 году в Петербурге, в семье мелкого чиновника. Отец его, Пётр Алексеевич Воронов, служил столоначальником в Департаменте государственных имуществ – человек незаметный, переписывающий бумаги до онемения пальцев, но обладавший одной странной страстью: он коллекционировал уголовные хроники. В тайне от жены он вырезал из «Ведомостей» и «Северной пчелы» заметки о преступлениях, наклеивал их в толстые амбарные книги и по вечерам перечитывал, шевеля губами.

Мать, Варвара Сергеевна, происходившая из обедневшего дворянского рода, считала это «неприличным для образованного человека» и мечтала, чтобы Иван пошел по юридической части и стал присяжным поверенным – это было и доходно, и уважаемо после судебной реформы 1864 года.

Иван рос мальчиком не по годам серьезным, с цепким взглядом. Отец, сам того не желая, воспитал в сыне сыщика. Вместо сказок Пётр Алексеевич рассказывал десятилетнему Ване о запутанных делах: как поймали фальшивомонетчика Семёнова, как разбойничала шайка «Червонных валетов». Мальчик слушал, затаив дыхание, а потом на прогулке на Фонтанке выискивал «приметы» – чьи-то следы на снегу, странные взгляды прохожих, брошенные вещи.

В тринадцать лет Иван пережил удар, который определил всю его жизнь. Отца убили. Ограбили прямо на Морской, когда тот возвращался с получки. Удар затылком об угол дома – и титулярный советник Воронов, человек, никогда никому не сделавший зла, захлебнулся кровью в луже талого снега. Убийц не нашли. Полиция, отмахнувшись, записала дело как «несчастный случай с участием неизвестных злоумышленников» и сдала в архив. Варвара Сергеевна после похорон слегла, а четырнадцатилетний Иван поклялся себе, что больше ни одна смерть не останется безымянной.

Окончив 3-ю Петербургскую гимназию с серебряной медалью, Воронов, вопреки материнским настояниям, поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Но не ради карьеры присяжного поверенного – его влекла к себе только что созданная судебная палата, новые уставы, где преступление и наказание перестали быть тайной канцелярской.

Именно в университете он сошелся с двумя людьми, ставшими ему ближе родных.

Первый – Алексей Николаевич Звягинцев, однокурсник, выходец из богатой московской купеческой семьи. Звягинцев был полной противоположностью Воронова: широкоплечий, румяный, громогласный, любитель выпить и поспорить о судьбах России. Он учился блестяще, но без усердия – схватывал всё на лету. Воронов же вгрызался в каждую статью Уложения о наказаниях. Их дружба скрепилась на тре-

тнем курсе, когда Воронов спас Звягинцева от исключения: тот проиграл в карты казенные деньги, выделенные на научную экспедицию. Воронов продал отцовские часы и отцовскую же коллекцию амбарных книг с вырезками, чтобы покрыть долг. Звягинцев тогда, пьяный от стыда и благодарности, объявил: «Ваня, я твой должник навек. И знаешь что? Ты рожден не бумаги перебирать. Ты – охотник. У тебя нюх».

Второй друг – Константин Дмитриевич Ветлицкий, из обрусевших немцев, сын аптекаря. Тихий, близорукий, с вечно дрожащими руками и страстью к химии. Ветлицкий был гением микроскопа и реторты. Он мог просидеть ночь напролет, определяя состав чернил на анонимном письме, и говорил, что «преступление оставляет след не только в душе, но и в материи». Воронов, познакомившись с ним в университетском химическом кружке, мгновенно понял ценность такого человека. Ветлицкий же видел в Воронове единственного, кто не смеялся над его «алхимией» и признавал ее полезной для правосудия.

Там же, в университете, случилась и первая, и единственная настоящая любовь Воронова. Софья Николаевна Львова, дочь профессора римского права, была девушкой с огненным характером, читала Герцена, носила платья без кринолина и мечтала о «новой жизни». Воронов, тогда еще прямой и наивный, сделал ей предложение. Софья согласилась, но поставила условие: он должен оставить службу, которая «пахнет жандармами», и заняться адвокатурой, защищать

политических. Воронов отказался. Он не мог защищать тех, кто бросал бомбы – для него преступление оставалось преступлением, вне зависимости от убеждений. Они расстались тяжело, с криками и битьем посуды. Софья вскоре вышла замуж за известного народовольца, уехала за границу, и, по слухам, погибла при неудачном изготовлении динамита где-то в Швейцарии. Воронов после этого никогда не женился. Говорил, что «жена сыщика – вдова при живом муже», но в глубине души знал: он просто больше не смог.

Начал Воронов в 1864 году, сразу после университета, младшим помощником пристава в Казанской части. Это было не службой, а каторгой. Писарская работа, мелкие кражи, пьяные драки. Но Воронов впитывал всё. Он понял главное: преступление раскрывается не в кабинетах, а в ночлежных домах на Сенной, в трактирах на Лиговке, в разговорах с извозчиками и старьевщиками.

Чин коллежского секретаря он получил за первое громкое дело – в 1866 году. В Петербурге орудовала банда «карточных шулеров», которая не просто обирала, но и убивала купцов, заманивая их в подпольные игорные притоны. Полиция была бессильна. Воронов, рискуя жизнью, внедрился в эту среду под видом провинциального помещика, проигравшего состояние. Три месяца он играл, проигрывал, пил с убийцами, спал на одном с ними тюфяке. И вывел всю верхушку. Четверо убийц были отправлены на каторгу. За это дело его перевели в сыскную полицию и дали первый внеочередной

чин.

Дело о «Волжском душителе» (1870) – серийный убийца, работавший на пристанях. Воронов вычислил его по особому узлу, которым тот связывал жертв. Узел был рыбацкий, и сыщик нашел преступника среди отставных матросов в Коломне.

Дело о поджоге Екатерингофской мануфактуры (1873) – Воронов доказал, что пожар – поджог с целью страховки. Он нашел поджигателя – мелкого конторщика, – когда обнаружил у того в сапоге пепел специфической бумаги, которая использовалась только в бухгалтерии фабрики. Здесь ему помог Ветлицкий, проводший первый в российской практике химический анализ пепла.

Дело о «Золотых конях» (1875) – дерзкая кража императорских подарков из Эрмитажа. Пропали две золотые статуэтки, подаренные Николаем I. Воронов раскрыл дело, когда обратил внимание, что все подозрения пали на хранителей, а он пошел на толкучку и через неделю вышел на мелкого воришку, который взял статуэтки «на заказ» для одного коллекционера. К этому времени Воронов уже стал титулярным советником.

Коллежский асессор (чин VIII класса, дающий потомственное дворянство) достался ему в 1876 году – за совокупность заслуг и за спасение градоначальника Трепова от покушения. Воронов случайно оказался рядом, когда моло-

дой народоволец выхватил револьвер. Сыщик не растерялся – бросился на ствол, получил пулю в плечо, но спас начальника. Трепов, человек жесткий и неблагодарный, тем не менее, был вынужден представить Воронова к чину и ордену Святого Станислава 3-й степени. Пуля сидела в плече до конца жизни, и к сырой погоде Воронов начинал хромать – была старая рана.

Он жил один. После смерти матери в 1870 году снял небольшую квартиру в доходном доме на Гороховой, в трех комнатах. Квартира была обставлена спартански: письменный стол, заваленный бумагами, жесткая кровать, шкаф с книгами (от уголовного права до химии), и на почетном месте – отцовская амбарная книга с вырезками, которую он так и не продал. Ту единственную, где было дело об убийстве отца.

Домовладелица, Амалия Карловна Штольц, пожилая немка, сдававшая комнаты, тайно в него влюбленная, каждое утро приносила ему кофе и пирожки, вздыхая: «Герр Воронов, вы себя губите. Женились бы». Он вежливо улыбался и уходил в управу.

Звягинцев сделал блестящую карьеру. Он ушел в прокуратуру и теперь служил товарищем прокурора окружного суда. Их дружба была странной: Звягинцев обвинял, Воронов искал. Часто они сталкивались по одному делу, спорили до хрипоты в трактире, но никогда не переходили грань. Звягинцев был единственным, кому Воронов верил, как себе.

Именно Звягинцев после дела о поджоге мануфактуры сказал: «Ты, Иван, не сыщик. Ты – художник. Только вместо кисти – улики». При этом сам Звягинцев был женат, имел троих детей и жил на Знаменской, и каждый год звал Воронова на Рождество, и каждый год Воронов приносил детям книги с дарственными надписями, а сам уходил за полночь, потому что не выносил семейного уюта – слишком сильно он напоминал ему о том, чего у него не было.

Ветлицкий остался при университете, но после покушения на царя в 1879 году его лабораторию привлекли к работе в сыскной части. Он создал первый в России подобие криминалистической лаборатории – маленькую комнату в здании управления, заставленную пробирками и микроскопами. Начальство относилось к нему с подозрением («химик, стало быть, бомбы делать умеет»), но Воронов отстаивал друга. Ветлицкий был нелюдим, жил с сестрой, имел слабость к морфию – нервы, постоянная работа с ядами – и только Воронов знал об этой тайне и старался держать друга в узде.

Врагов у Воронова было двое, и оба – опасные.

Первый – ротмистр Отдельного корпуса жандармов Борис Аркадьевич Строганов. Красавец, аристократ, из столбовых дворян. Строганов представлял Третье отделение и считал сыскную полицию «выскачками», а Воронова – «мужиком в чиновничьем мундире». Их противостояние началось после дела о «Золотых конях», когда Воронов нашел вора раньше, чем Строганов «выбил» признание из невинного хра-

нителя. Строганов поклялся, что Воронов еще «пожалеет, что сунул нос не в свое дело». В 1879 году, на фоне охоты на царя, влияние Строганова выросло, и он не упускал возможности уколоть Воронова, называя его методы «мещанским шпионством». Воронов платил ему ледяной вежливостью и тем, что всегда оказывался прав, что бесило Строганова вдвойне.

Второй враг – Антон Кириллович Горев, в прошлом мелкий контрабандист, которого Воронов в 1872 году сдал на каторгу на десять лет. Горев, был умен, хитер и обладал редкой способностью к перевоплощению. Отсидев пять лет, он вышел по манифесту (в связи с коронацией) и исчез. Воронов знал, что Горев вернулся в Петербург, что он связался с самыми темными силами и, возможно, с революционным подпольем. Горев, поклялся отцу на каторге, при свидетелях: «Как выйду, первым делом Воронова убегу. А перед смертью заставлю на себя посмотреть». Воронов относился к Гореву с уважением к его уму, но с абсолютной непримиримостью. Он знал, что рано или поздно они встретятся.

Воронов был человеком, который никогда не повышал голоса. Он говорил тихо, вкрадчиво, глядя собеседнику прямо в зрачки. У него была странная привычка: на месте преступления он первым делом закрывал глаза и просто стоял, втягивая носом воздух, словно пытался услышать запах случившегося. Коллеги посмеивались, но он говорил: «Место преступления врет меньше, чем свидетели».

Он не любил «горячих допросов» с битьем и криком. Его оружием было терпение. Он мог сутками сидеть в засаде, простужаясь до хрипоты, мог трижды опрашивать одного и того же дворника, меняя вопросы, чтобы поймать на противоречии.

Его слабостями были чай (пил его без сахара, литрами), папиросы «Букет» (дымил беспрерывно) и вера в то, что любое преступление можно раскрыть, если не лениться. Он был глубоко верующим, но в церковь ходил редко, предпочитая молиться «на ходу», крестясь в темноте перед выходом на опасное дело.

Сейчас, стоя у кареты на Исаакиевской площади, глядя на мертвого двойника и держа в кармане записку с надписью «Охота началась», Воронов понимал: это дело станет главным в его жизни. Потому что здесь переплелось всё – и его давний враг, и политический сыск, и личная боль за империю, которую он служил не за страх, а за совесть.

Он отошел от кареты, подозвал Масленникова.

– Городовых к дому, откуда вышел покойный. По два человека на каждый подъезд. Ветлицкому передайте, чтобы немедленно ехал сюда – пусть посмотрит на узлы, на куцерскую подушку. И... – он замялся, – узнайте, где сейчас Звягинцев. Пусть приедет в управу. Мне понадобится человек, который умеет говорить на языке закона, когда начнутся крики из Третьего отделения.

– А как же ротмистр Строганов? – шепотом спросил Мас-

ленников. – Он уже здесь, вертится, требует дело себе отдать. Говорит, государственная важность.

Воронов усмехнулся краем рта – той усмешкой, которая делала его лицо одновременно усталым и опасным.

– Пусть вертится. Пусть просит. Но дело, Масленников, – он положил руку на дверцу кареты, где еще не остыло тело, – это дело мое. Потому что такие записки не пишут тем, кого можно запугать. Такое пишут тем, кого знают. И я хочу узнать, кто пишет.

Он поднял воротник шинели и пошел в сторону управления, оставляя за спиной Исаакиевский собор, убитого двойника и вой жандармских свистков, разрезающих декабрьскую ночь надвое.

Глава 3. Ужин на Невском.

От Исаакиевской площади до сыскной части было рукой подать, но Воронов не пошел в управу. Не сейчас. Он чувствовал, что если немедленно не поест и не выпьет горячего чаю, то рухнет прямо в коридоре перед кабинетом пристава, и тогда Строганов получит дело без всякой борьбы.

Два дня он питался чем Бог послал. Вчера – калач на ходу, запитый кружкой сбитня у Знаменского моста. Сегодня утром – стакан чаю в трактире на Сенной, где он допрашивал торговков-старьевщиц. После обеда – и вовсе только папиросы. Рана в плече ныла с утра – верный признак, что организм требует отдыха и тепла.

– Масленников, – сказал он, останавливаясь у фонарного столба. – Я через час буду в управе. Скажите приставу, что я собираю материалы на месте.

– Так дело-то срочное, ваше благородие! – Масленников, запыхавшийся, едва поспевал за ним. – Строганов уже там, требует бумаги, кричит, что «штатские не доросли» ...

– Строганов, – Воронов поморщился, как от зубной боли, – пусть покричит. Горло прочистит. Ему же полезно. А я, Масленников, если не поем, завтра буду гнить в госпитале, а Строганову только того и надо.

Он свернул на Невский проспект. Несмотря на поздний час, здесь было оживленно: горели газовые рожки, цокали

подковами извозчицьи пролетки, у Гостиного двора сновали запоздавшие покупатели. Воронов миновал ярко освещенные витрины ювелирных магазинов и остановился у ресторана «Лейнер» – заведения, которое пользовалось дурной славой среди петербургских чиновников: слишком дорого, слишком шумно, слишком много иностранцев. Но Воронов знал другое: здесь кормили по-настоящему, быстро и не задавали лишних вопросов. А еще здесь можно было остаться незамеченным – публика в «Лейнере» собиралась пестрая, и на скромно одетого человека с усталым лицом никто не обращал внимания.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь.

Внутри было жарко, пахло жареным луком, кофе и дорогими сигарами. Люстры горели в полную силу, отражаясь в зеркалах, отчего зал казался вдвое больше. Оркестрик из трех венгров наигрывал что-то бравурное, но тихо – так, чтобы не мешать разговорам.

Швейцар, увидев потертую шинель и немодный сюртук, смерил Воронова оценивающим взглядом, но тот сунул ему в руку двугривенный, и сомнения рассеялись.

– Столик, – сказал Воронов хрипло. – Только не в зале. Там, в углу, у колонны.

– Слушаю-с.

Его провели в дальний угол, где колонна из искусственного мрамора создавала небольшую нишу. Отсюда было видно почти всё помещение, но самого Воронова в полумраке угла

было трудно разглядеть. Именно это ему и требовалось.

Он сел, снял шинель, повесил на спинку стула и с наслаждением вытянул ноги. Тело гудело от усталости.

– Меню-с, – официант, юркий француз с масляными усами, протянул карту.

Воронов даже не стал вглядываться. Он знал, чего хочет.

– Порцию битков с яйцом. Солянку сборную. Расстегай с вязигой. Огурцов соленых. Чайник чаю. И.. – он замялся, – графинчик рябиновой. Для сугреву.

– Слушаю-с.

Пока ждали заказ, Воронов позволил себе расслабиться. Он откинулся на спинку стула, прикрыл глаза. Перед глазами всё еще стояло лицо убитого – это застывшее выражение узнавания. «Кого он увидел? – думал Воронов. – Кого настолько близкого, что смерть пришла без борьбы?»

Он машинально потер правое плечо – старую рану. Декабрьский холод вытягивал боль из костей.

Заказ принесли быстро. Расстегай – румяный, с золотистой корочкой, пар валил от него столбом. Воронов перекрестился машинально и впился зубами. Горячий сок брызнул на тарелку. Он ел жадно, с той основательной медлительностью, с какой едят люди, долго голодавшие, – каждый кусок пережевывая тщательно, чувствуя, как тепло разливается по телу. Солянка была наваристая, с лимоном и маслинами, от нее шел густой пар. Битки – сочные, в яичной глазури – таяли на языке.

Официант принес чайник и графин. Воронов налил себе стопку рябиновой, выдохнул, выпил залпом. Настойка обожгла горло, и он, поморщившись, закусил соленым огурцом. Хруст огурца показался ему необыкновенно вкусным.

– Теперь можно жить, – прошептал он сам себе и налил чаю в толстый стакан в серебряном подстаканнике.

Он уже допивал второй стакан, когда внимание его привлекла дама, вошедшая в зал. Она была одна – явление для такого заведения в поздний час необычное. Лет двадцати пяти, высокая, стройная, в темно-вишневом платье с высокой шейкой и в маленькой шляпке с вуалью. Вуаль была поднята, и Воронов успел рассмотреть бледное, тонкое лицо с большими серыми глазами и решительным подбородком. В ней чувствовалась порода – та особая статья, которая отличает потомственных дворянок от купчих и мещанок.

Она остановилась у входа, оглядела зал с видом человека, который ищет кого-то, но не находит. Француз-официант бросился к ней, но она жестом остановила его и вдруг направилась прямо к столику Воронова.

– Простите, – голос у нее был низкий, с легкой хрипотцой. – Все места заняты. Не позволите ли присесть за ваш столик? Я ненадолго.

Воронов оглянулся. Зал действительно был почти полон – здесь отмечали какие-то именины, шумная компания купцов в поддевках заняла центральные столы. Оставались только маленькие столики у буфета, но они были грязные после

недавних посетителей.

– Прошу, – он поднялся и слегка поклонился. – Я как раз заканчиваю.

– Благодарю.

Она села напротив, положила на столик маленький риди-кюль из крокодиловой кожи. Воронов заметил, что пальцы у нее тонкие, с дорогим перстнем – темный сапфир в серебре. Не обручальное кольцо. Вдова? Незамужняя?

– Вы не торопитесь? – спросила она, глядя ему прямо в глаза. – Я буду заказывать только чай.

– Не тороплюсь, – соврал Воронов. Он действительно должен был быть в управе, но что-то заставило его остаться. Профессиональная привычка – замечать необычное. А эта женщина в одиночестве, в дорогом платье, в ресторане, где собираются люди, имеющие что скрывать, – это было необычно.

– Позвольте представиться, – сказал он. – Иван Петрович.

– Елизавета Андреевна, – кивнула она. – Очень приятно.

Она заказала чай и пирожное, а Воронов, допивая свой чай, с удивлением понял, что не хочет уходить. В ней было что-то, что будило давно забытые чувства. Может быть, эти серые глаза, так напоминавшие ему Софью. А может, просто усталость и одиночество сыграли свою роль.

– Вы здесь одна? – спросил он осторожно.

– Ждала одного человека, – она усмехнулась криво, горько. – Но он, кажется, не придет. Впрочем, я уже привыкла.

– Обидчивый ветер в Петербурге, – заметил Воронов философски. – Обещает одно, приносит другое.

Она взглянула на него с интересом:

– Вы местный?

– Коренной петербуржец.

– И кто же вы по роду занятий, Иван Петрович? – Она взяла чашку с чаем, отпила маленький глоток. – Не похожи вы на купца. И на военного – тоже.

– Служащий, – уклонился он. – Мелкий чиновник. Скучная работа.

– Скучная? – она прищурилась. – У скучных людей бывают такие глаза. У них глаза сонные. А у вас – нет. Вы кого-то ищете. Всю жизнь ищете. Я права?

Воронов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Эта женщина была опасна – не той опасностью, которая грозила ему на темных улицах, а той, которая могла пробить броню, которую он носил двадцать лет.

– Вы наблюдательны, Елизавета Андреевна, – сказал он, отводя взгляд.

– Я художница, – просто ответила она. – Привыкла смотреть на лица. Вы знаете, Иван Петрович, у вас лицо человека, который однажды потерял что-то очень важное и с тех пор ищет это в каждом деле, в каждом лице. – Она помолчала, потом добавила тихо: – Я тоже потеряла. Потому и узнаю.

Между ними повисла пауза. Оркестр заиграл что-то медленное и грустное. Воронов вдруг остро осознал, как давно

он не сидел с женщиной вот так – за столом, при свечах, без протокола и допроса.

– Елизавета Андреевна, – начал он, но она вдруг насторожилась, подняла палец к губам:

– Тише.

Воронов напрягся. Она смотрела куда-то ему за спину. Он медленно, не оборачиваясь, перевел взгляд на зеркало, висевшее на стене напротив. В зеркале отражался столик за соседней колонной – тот самый, который Воронов при входе посчитал пустым.

За столиком сидели двое.

В зеркале было видно всё. Один – плотный, коротко стриженный, с окладистой бородой, в дорогом сюртуке, но сидел он с какой-то настороженной неуклюжестью, свойственной людям, не привыкшим к дорогой обстановке. Второй – напротив, тонкий, гибкий, с холеными усами и цепочкой от часов, поблескивающей на жилете. Говорили они тихо, но ресторанный шум стих как раз, когда венгры ушли на перерыв, и до Воронова долетали обрывки.

Он подался чуть вперед, делая вид, что рассматривает пирожное на тарелке Елизаветы Андреевны.

– ...сказал, что всё готово, – донеслось до него. Голос принадлежал плотному. Говорил он с легким южнорусским акцентом. – Люди ждут только сигнала.

– Сигнал будет, – ответил тонкий. Голос у него был вкрадчивый, масляный. – Главное, чтобы тот... господин... не

узнал раньше времени. У него везде глаза.

– А этот, который сегодня... – начал плотный, но тонкий резко оборвал его:

– Не здесь. Не сейчас. – Пауза, звон ложки о чашку. – Всё идет по плану. Двойник убрал? Убрали. Теперь он знает, что мы серьезно. Следующий шаг...

– Тише! – вдруг сказал плотный, и Воронов увидел, как он оглядывается. – За нами наблюдают.

Тонкий усмехнулся:

– Не бойся. Здесь все заняты своим. А если кто и слышит – что с того? Кто поверит? Скажут – пьяные купцы языками чешут.

Они заговорили еще тише, и Воронов уже не разбирал слов. Но услышанного хватило.

«Двойник убрали».

Сердце забилося ровно и тяжело, как перед выходом на опасное дело. Эти двое знали об убийстве. Знали, что жертва – не тот, за кого ее приняли. И говорили о каком-то «следующем шаге».

Воронов медленно поднял глаза на Елизавету Андреевну. Та смотрела на него с выражением, которое он не мог прочитать – то ли испуг, то ли восхищение.

– Вы слышали? – спросил он едва слышно.

– Достаточно, – кивнула она. – Иван Петрович... вы не просто чиновник, верно?

– Верно, – признал он. – Я служу в сыскной полиции.

Она не вздрогнула, не испугалась. Только кивнула, словно подтверждая свои мысли.

— Я так и поняла, — сказала она. — Когда вы вошли, я заметила, как вы оглядывали зал. Как садились в угол, чтобы видеть всех. Это не чиновничья привычка.

— Вы наблюдательны, — повторил он свои слова.

— Я художница, — напредила она. — И я хочу вам помочь.

— Помочь?

— Эти двое, — она кивнула в сторону колонны. — Я их видела раньше. Неделю назад, в Английском магазине. Они покупали... — она замялась, — они покупали нечто, что нельзя купить просто так. Ящик. Большой, обитый железом. И платили золотом.

Воронов нахмурился. Ящик, обитый железом, — это могло быть что угодно. От оружия до динамита.

— Вы запомнили их лица? — спросил он.

— Я художница, — повторила она с легкой улыбкой. — Я запоминаю всё. Того, что с бородой, я могу нарисовать. Того, второго... — она помрачнела, — того я не забуду никогда. У него глаза мертвеца. Холодные, пустые.

Воронов хотел задать еще вопрос, но в этот момент за соседним столиком зашевелились. Плотный поднялся, бросил на стол несколько кредиток, и они с тонким направились к выходу.

— Оставайтесь здесь, — сказал Воронов, вставая. — Мне нужно...

– Вы хотите их преследовать? – Елизавета Андреевна схватила его за руку. Ее пальцы были холодными. – Они опасны. Я видела такие лица на Кавказе, когда была там с отцом. У них глаза людей, которые убивали.

– Потому я и должен их преследовать, – ответил Воронов, мягко освобождая руку. – Но вы – оставайтесь. Если я не вернусь через час, идите в сыскную полицию на Малой Морской и спросите пристава. Скажите, что Воронов велел.

– Воронов? – она приподняла бровь. – Так ваша фамилия?

– Да. Иван Петрович Воронов. – Он накинул шинель, сунул руку в карман, нащупав холодную рукоятку револьвера системы Смита-Вессона. – Прощайте, Елизавета Андреевна. Надеюсь, мы еще увидимся.

Он вышел из ресторана, не оглядываясь.

На улице его встретил холодный ветер, мгновенно пробирающий под шинель. Фонари раскачивались, отбрасывая пляшущие тени на мокрый снег. Воронов огляделся: двое из ресторана шли в сторону Мойки, быстро, но без суеты, словно боялись привлечь внимание.

Он двинулся за ними, держась теневой стороны. Профессиональная привычка – не приближаться, не терять из виду. Он шел за ними до самого канала, но там они вдруг свернули в подворотню и исчезли. Воронов ускорил шаг, подошел к арке – и увидел, что подворотня пуста. Двери в дома были закрыты, черные лестницы темнели провалами. Словно сквозь землю провалились.

– Черт, – выругался он сквозь зубы.

Он постоял минуту, прислушиваясь. Тишина. Только ветер гудит в трубах да где-то вдалеке лает собака.

Воронов повернул обратно, решив, что пора наконец в управу. Масленников, наверное, уже заждался, а Строганов, чего доброго, и в самом деле забрал бумаги.

Он свернул на Малую Морскую. Здесь было темно – газовые фонари горели через один, экономя газ. Дома стояли молчаливые, с закрытыми ставнями. Воронов шел быстро, сунув руки в карманы шинели, правой рукой сжимая рукоятку револьвер. Эта привычка въелась в плоть: в темное время суток на петербургских улицах рука всегда на оружии.

Он уже видел впереди огни сыскной части – желтые квадраты окон, – когда из подворотни дома купца Торлецкого шагнули двое.

– Стой, – сказал один, негромко, но весомо.

Воронов остановился. В свете далекого фонаря он разглядел двоих: оба в темных тулупах, лица закрыты шарфами до глаз. В руках у одного блеснуло что-то – нож? Кастет?

– Кладовая, барин, – сказал второй, с усмешкой. – Не трясись. Отдай часы, бумажник, и иди себе с Богом.

Обычная уличная грабежка. В другое время Воронов, может быть, попытался бы образумить их словом, припугнуть полицией. Но сегодня был не тот день.

Сегодня у него ныло плечо, в голове гудели обрывки подслушанного разговора, а в кармане лежала записка с надпи-

сю «Охота началась».

– Добрые люди, – сказал Воронов спокойно, даже устало.
– Одумайтесь. Я не тот, за кого вы меня принимаете.

– А кто ж ты есть? – хохотнул первый с ножом. – Сам царь, что ли?

– Я полицейский, – сказал Воронов. И добавил: – Уходите по-хорошему. Пока я не рассердился.

Грабители переглянулись. На секунду Воронову показалось, что они послушаются. Но потом тот, что с ножом, шагнул вперед:

– Ах ты, ищейка! – прошипел он. – Ну, тогда мы тебя... для порядка...

Он взмахнул ножом.

Воронов не стал ждать второго взмаха. Правая рука вынырнула из кармана с револьвером уже на взводе. Он не целился – в темноте и на таком расстоянии целиться было некогда. Просто вскинул руку и нажал на спуск.

Грохот выстрела в ночной тишине показался пушечным. Вспышка озарила подворотню, и Воронов увидел, как первый грабитель отшатнулся, выронив нож – пуля прошла вскользь по руке, оставив кровавую полосу. Второй, недолго думая, развернулся и нырнул в подворотню, откуда они вышли.

– Стоять! – крикнул Воронов, но крик его утонул в звоне разбитого стекла – кто-то из жильцов испуганно распахнул окно.

Первый грабитель, держась за раненую руку, бросился за своим сообщником. Воронов не стал стрелять вдогонку – в подворотне мог быть прохожий, да и не хотелось ему пуль в спину. Он хотел пойти за ними, но услышал свистки – городовые с угла уже бежали на выстрел.

– Воронов! – окликнул его запыхавшийся голос. Это был Масленников – выскочил из управления, за ним еще двое околоточных. – Ваше благородие! Это вы стреляли?

– Я, – Воронов опустил револьвер, перевел дыхание. – Двое грабителей. Туда ушли, – он махнул рукой в сторону подворотни. – Один ранен в руку, ищите.

Масленников кивнул, развернулся к городовым:

– Слышали? Бегом! Проверить все подворотни, чердаки, подвалы!

Городовые умчались. Воронов же, сунув револьвер обратно в карман, вдруг почувствовал, как дрожат руки. Не от страха – от напряжения, которое накопилось за день.

– Иван Петрович, – Масленников подошел ближе, с тревогой разглядывая сыщика. – Вы как? Не ранены?

– Цел, – Воронов провел рукой по лицу. – Цел, Масленников. А вот этот вечер, – он усмехнулся, – этот вечер принес столько, сколько иной месяц не приносит.

– Это вы о чем?

– О том, – Воронов посмотрел на темное небо, где меж туч пробивался бледный месяц, – что у нас, Масленников, появилось дело. Настоящее дело. И, кажется, первый след

ведет в ресторан «Лейнер».

– В ресторан? – Масленников выпучил глаза. – Вы же там ужинать пошли!

– Ужинал, – кивнул Воронов. – И за ужином, Масленников, узнал больше, чем за два дня допросов. Но об этом – в управу. И скажи Ветлицкому, чтобы готовил свою химию. И Звягинцеву передай – пусть завтра с утра будет у пристава.

– А как же Строганов? – снова спросил Масленников.

Воронов посмотрел на освещенные окна сыскной части, где, должно быть, в этот самый момент ротмистр из Третьего отделения расхаживал по кабинету пристава, требуя дело себе.

– Строганов, – сказал Воронов медленно, – пусть гуляет по своим делам. А это дело мое. Потому что эти двое из ресторана говорили о двойнике. Знали об убийстве раньше, чем мы составили протокол. И еще говорили о каком-то ящике. – Он помолчал, потом добавил: – Ящик, обитый железом. За который платят золотом. В наше время, Масленников, золотом платят только за смерть.

Он зашагал к освещенному подъезду управления, чувствуя, как в кармане тяжело лежит револьвер, а в душе – холодная, звенящая решимость. Охота действительно началась. И теперь он знал, что он не жертва в этой охоте.

Он – охотник.

В дверях он обернулся:

– Масленников, завтра же с утра пошлите человека в

«Лейнер». Пусть спросит у официантов – кто были эти двое. И еще... – он замялся, вспомнив серые глаза и темно-вишневое платье. – Спросите, не знают ли они даму. Елизавета Андреевна. Художница. Бывает там часто. Мне нужно с ней поговорить.

– С дамой? – Масленников понимающе усмехнулся.

– Не смейтесь, – строго сказал Воронов. – Эта дама, Масленников, видела этих людей раньше. И может их нарисовать. А нарисованные лица – это уже половина дела.

Он вошел в управу, оставив Масленникова на крыльце – недоумевающего, но уже привыкшего к тому, что у его начальника всегда есть какая-то странная, но верная метода.

В коридоре пахло махоркой и нашатырем. Где-то за дверью гремел голос Строганова. Воронов поправил воротник, снял с лица усталость, как маску, и шагнул в кабинет.

Охота продолжалась.

Вот продолжение истории. Я постарался передать атмосферу петербургской квартиры конца 1879 года, бытовые детали того времени и – главное – то, как газетная заметка переворачивает всё дело с ног на голову, связывая воедино убийство двойника, подслушанный разговор и личную историю сыщика.

Глава 4. Утренняя газета.

В управу Воронов вошел ровно в тот момент, когда ротмистр Строганов, размахивая руками, доказывал приставу, что «дело о двойнике» имеет государственную важность и должно быть немедленно передано в Третье отделение. Пристав – грузный, флегматичный человек с лицом, напоминающим кулич – сидел за столом и делал вид, что слушает, но Воронов знал, что тот просто ждет, когда шум утихнет.

– А вот и наш сыщик! – воскликнул Строганов, увидев Воронова в дверях. Его холеное лицо исказилось усмешкой. – Гуляли, Иван Петрович? В то время как государственное дело требует немедленного расследования?

– Ужинал, Борис Аркадьевич, – спокойно ответил Воронов, снимая шинель и вешая ее на олений рог у двери. – Два дня на хлебе и воде – не лучшая подготовка к расследованию убийства.

– Убийства какого-то шута, который имел наглость походить на Государя! – Строганов повысил голос. – Это не уголовщина, Воронов! Это покушение на священную особу! На политический строй! И вы, штатские, со своими финти-флюшками, только дело испортите!

Воронов не ответил. Он прошел к столу пристава, положил перед ним клочок бумаги с надписью «Охота началась. Следующий – настоящий».

Пристав взглянул, побледнел.

– Это при убитом нашли, – сказал Воронов. – Записка. Адресована тому, кто будет расследовать. Или тому, кто должен испугаться.

Строганов схватил бумагу, прочитал, и лицо его из надменного стало злым.

– Это почему же вы сразу не доложили? – рявкнул он.

– Потому что я, Борис Аркадьевич, сначала хотел понять, что это значит, – Воронов посмотрел на ротмистра в упор. – И я кое-что понял. Сегодня в ресторане «Лейнер» я слышал разговор двух людей. Они говорили о двойнике. Говорили, что «двойник убрал». И говорили о «следующем шаге».

Наступила тишина. Даже Строганов замолчал, переваривая услышанное.

– Кто эти люди? – спросил пристав, наконец.

– Не знаю. Исчезли. Но один из них – южнорусского сложения, плотный, с окладистой бородой. Второй – тонкий, гибкий, с холеными усами. И еще: один мой знакомый может их нарисовать.

– Знакомый? – Строганов скривился. – Тайный агент?

– Художница, – сказал Воронов. – Дама, которая слышала тот же разговор.

Строганов расхохотался:

– Воронов, вы в своем уме? Бабу в такое дело тащить? Да она через день всем в гостиной разболтает, что сыскная полиция за каждым столиком подслушивает!

– Эта баба, – Воронов не повысил голоса, но в кабинете стало холодно, – видела этих людей неделю назад в Английском магазине. Они покупали ящик, обитый железом. И платили золотом. Вам это ни о чем не говорит, Борис Аркадьевич? Или вы предпочитаете искать преступников в кабинетах, глядя на портрет Государя?

Строганов побагровел, но пристав поднял руку:

– Довольно. Дело ведет Воронов. Борис Аркадьевич, вы и ваши люди можете подключиться, когда получите официальное предписание от градоначальника. А пока – не мешайте.

Строганов смерил Воронова взглядом, в котором читалось: «Ты об этом пожалеешь». И, не прощаясь, вышел, хлопнув дверью.

Воронов еще час диктовал Масленникову показания, составил ориентировку на двух неизвестных, распорядился о проверке всех гостиниц и ночлежных домов в окрестностях Исаакиевской площади. Только после этого, чувствуя, что ноги не держат, он собрался домой.

– Иван Петрович, – окликнул его пристав уже в дверях. – Вы уверены, что эта дама... надежна?

– Не знаю, – честно ответил Воронов. – Но она – единственная ниточка. А других у нас пока нет.

Он вышел на Малую Морскую, поймал извозчика и велел везти на Гороховую.

Амалия Карловна, его домовладелица, уже спала – в коридоре горела только одна керосиновая лампа, отбрасывая

желтый круг на половик. На столике у двери Воронова стояла тарелка, накрытая салфеткой, и записка: «Герр Воронов, я оставила вам ужин. Вы опять не ели. А.Ш.».

Под салфеткой оказались два пирожка с капустой и кусок холодной телятины. Воронов вздохнул – он был сыт после «Лейнера», но убрать тарелку не убрал, чтобы не обижать старую немку.

Он вошел в свою квартиру, запер дверь на засов, повесил шинель на вешалку. Тишина встретила его густым, осязаемым молчанием. Три комнаты, которые он снимал, были слишком велики для одного человека, но Воронов привык к этой пустоте. Кабинет – самый большой, с письменным столом у окна, выходящего во двор. Спальня – узкая, с железной кроватью и тумбочкой, на которой всегда лежал заряженный револьвер. И третья комната – та, что когда-то должна была стать детской, а теперь стояла запертая, с мебелью, накрытой простынями.

Он не заходил туда уже три года.

Воронов прошел в кабинет, зажег керосиновую лампу. Пламя дрогнуло, озарив знакомые предметы: письменный стол, заваленный бумагами, стопки «Правительственного вестника» и «Голоса», шкаф с книгами, на полке – отцовская амбарная книга с вырезками. Он машинально провел пальцами по кожаному переплету, потом отдернул руку. Не сейчас.

Он сел в кресло, с наслаждением вытянул ноги, потер пра-

вое плечо. Рана ныла – к перемене погоды, как всегда. На столе стоял остывший самовар. Амалия Карловна, по своей привычке, залила его с вечера. Воронов налил себе стакан чаю – жидкого, давно заваренного, но все равно живительного.

Потом он вспомнил, что не брал сегодняшних газет. Масленников обычно оставлял их на столе. И правда – под папкой с делами лежала стопка: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Голос».

Он взял верхнюю – «Новое время» за 15 декабря 1879 года – и развернул, поднося ближе к лампе.

Он не искал ничего конкретного. Просто привычка – перед сном просматривать газеты, чтобы быть в курсе городских слухов. Газеты 1879 года были полны тревожных вестей: покушения, аресты, прокламации, манифесты. Цензура душила каждое слово, но между строк читалось напряжение, которое висело в воздухе столицы.

Воронов пробежал глазами передовицу о положении дел на Балканах, перелистнул на страницу городской хроники. Вот – кража со взломом на Литейном, вот – самоубийство купеческого сына, вот – пожар на Васильевском.

И вдруг рука его замерла.

Маленькая заметка, внизу страницы, почти у самого сгиба. Без заголовка, без подписи. Просто несколько строк, набранных убористым шрифтом.

*«Вчера в одном из заведений на Невском проспекте был

замечен господин, имеющий поразительное сходство с особой императорской фамилии. Господин, назвавшийся провинциальным помещиком, вел себя шумно, отпускал нелестные замечания о действиях правительства и вообще держал себя крайне вызывающе. По дошедшим до нас сведениям, в настоящее время личность его устанавливается. Полиция не подтверждает, но и не опровергает слухов о том, что данный субъект может быть причастен к известным кружкам, сеющим смуту в Отечестве» *.

Воронов перечитал заметку трижды.

Потом взял карандаш и подчеркнул несколько слов: *«поразительное сходство с особой императорской фамилии» *, *«провинциальный помещик» *, *«личность его устанавливается» *.

– Вот оно, – сказал он вслух в пустоту.

Двойник. Которого убили сегодня. Но в газете пишут, что его *видели вчера* в ресторане. И что он вел себя шумно, вызывающе. Будто хотел, чтобы его заметили. Будто играл роль.

Но кто дал заметку? Кто сообщил в газету?

Воронов отложил «Новое время» и взял «Голос». Там же, в городской хронике, он нашел другую заметку – еще короче:

*«Вчера в одном из частных домов на Адмиралтейской набережной скончался после непродолжительной болезни отставной гвардии поручик Н. Н. Знаменский, известный в столице своими либеральными взглядами. Покойный неод-

нократно высказывал сожаление о том, что судьба не дала ему возможности послужить Отечеству на более высоком поприще. Отпевание состоится завтра в Исаакиевском соборе»*.

– Знаменский, – прошептал Воронов.

Он встал, подошел к шкафу, достал толстую папку – «Справочник лиц, состоящих под негласным надзором». Листал быстро, привычно. Нет, Знаменского в списке не было. Тогда он достал другую папку – «Лица, имевшие обращения в Третье отделение».

Нашел на третьей странице.

«Знаменский Николай Николаевич, отставной гвардии поручик. В 1875 году подавал прошение на Высочайшее имя с предложением своих услуг по охране особы Государя. Прощение оставлено без последствий. В 1877 году замечен в общении с лицами, причастными к кружку “Народная воля”. Под арестом не содержался. Сведений о дальнейшей деятельности не имеется».

Воронов закрыл папку и сел обратно в кресло. В голове складывалась картина.

Двойник – Знаменский. Человек, который хотел служить, но был отвергнут. Человек, который имел связи с революционерами, но не был арестован. Человека, которого видели в ресторане накануне убийства – шумного, вызывающего, играющего на своем сходстве с императором. А потом его нашли мертвым в карете у Исаакиевского собора. С запиской:

«Охота началась. Следующий – настоящий».

Заметки в газетах появились *до* того, как тело было официально опознано. Значит, кто-то позаботился о том, чтобы имя Знаменского стало известно публике. И чтобы связать его – через газетную хронику – с покушением.

Но зачем?

Воронов закрыл глаза, пытаясь нащупать логику. Если ты хочешь убить императора, зачем тебе убивать его двойника? Чтобы запугать? Чтобы показать, что ты можешь добраться до любого? Или... чтобы отвлечь внимание?

Вдруг его осенило. Он схватил карандаш, перевернул газету и на полях начал писать:

Знаменский – двойник. Убит. Зачем?

Заметки в газетах – до убийства. Кто дал?

Двое в «Лейнере»: «двойник убрал», «ящик», «следующий шаг».

Ящик, обитый железом. Куплен за золото. В Английском магазине.

Елизавета Андреевна. Художница. Видела ящик. Может нарисовать лица.

Он остановился, посмотрел на написанное, и вдруг понял, что все эти нити сходятся в одной точке.

– Они готовят покушение, – сказал он вслух. – Убийство двойника – это репетиция. Или отвлечение. Но главное – ящик. В ящике – оружие. Или динамит.

Он встал, прошелся по комнате. Ковер глушил шаги, и в

тишине его мысли звучали оглушительно громко.

Газеты. Газеты были ключом. Кто-то целенаправленно сбросил информацию о двойнике, чтобы создать шум. Чтобы полиция бросилась искать одного, а преступники готовили другое.

– Но кто? – спросил он у своего отражения в темном окне. – Кто мог дать заметки в «Новое время» и «Голос»? Кто имел доступ к редакциям?

Он подошел к столу, взял папиросу, закурил. Дым поплыл к потолку, растворяясь в желтом свете лампы. Он думал о Строганове – но тот не стал бы подбрасывать информацию в газеты, он ненавидел прессу. Думал о революционерах – но им было невыгодно привлекать внимание к двойнику, если они готовили настоящее покушение.

Значит, третья сила.

Он вспомнил голос из ресторана – вкрадчивый, масляный, с цепочкой от часов, поблескивающей на жилете. «Всё идет по плану. Двойник убрали. Теперь он знает, что мы серьезно».

– Кто «он»? – прошептал Воронов.

И вдруг, как удар, пришла мысль. «Он» – это не император. Императору не нужно было доказывать серьезность – его и так охраняли, как никого в мире. «Он» – это тот, кто должен был испугаться. Тот, кому адресована записка. Тот, кто знал о существовании двойника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.